

Максим Орлов

Вселенная S.T.I.K.S.: ГЕШТАЛЬТ-КЕДР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Орлов

**Вселенная S.T.I.K.S.:
ГЕШТАЛЬТ-КЕДР**

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Вселенная S.T.I.K.S.: ГЕШТАЛЬТ-КЕДР / М. В. Орлов —
«Автор», 2026

«Часовое болото» молчало десятилетия. Пока в его топях не начали находить тела — не просто убитые, а превращённые в сложные схемы из костей и плоти. Для расследования на форпост S.T.I.K.S. «Молот» вызывают майора Кедр, следователя с «тихим отзывом» — психической раной от старой аномалии. Расследование ведёт в подземную лабораторию «Улей», где изучают биомассу «Гештальт» — разумную сеть, пронизывающую болота. Кедр узнаёт шокирующую правду: его «рана» — не случайность, а часть проекта «Симбиоз» по созданию живых интерфейсов. Артефакт-кость с места преступления — ключ, а он — идеальный проводник. Становится ясно: убийства — побочный эффект. Сеть просыпается и готовит глобальную «перезагрузку» реальности, стремясь избавиться от хаоса человеческого сознания. Командир форпоста Громов видит в этом шанс для тотального контроля. Кедр, став заложником чужих амбиций, вынужден вступить в симбиоз с «Гештальтом», чтобы понять его истинную цель. Ценой этого станет его собственная личность.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Следователь Семен Кедр	7
Глава 2. Вирусная идея	10
Глава 3. Лаборатория «УЛЕЙ»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Максим Орлов

Вселенная S.T.I.K.S.: ГЕШТАЛЬТ-КЕДР

Пролог

БОЛОТНЫЙ ИДОЛ

Часовая стрелка реальности в Зоне Д-17, известной как «Часовое болото», вечно залипает где-то между «совсем хреново» и «апокалиптически невъебенно». Туман здесь не просто вода, взвешенная в воздухе. Он – маскировочная сеть, наброшенная на всё, что шевелится, капает или тихо ненавидит всё живое. И под этой сетью, на рассвете, они нашли его.

Мое имя здесь неважно. Меня зовут «Молот-4», солдат третьего контура охраны. Мы патрулировали границу сектора «Топь» – болотца, где пространство любило пошутить, растягивая пятиминутный путь до получаса. И тут Гриша, наш нюхач, замер. Не «прислушался», а именно замер, будто в него воткнули кочергу. Пальцем ткнул в белесую муть перед нами.

– Вон там. Не дышит.

Мы рассыпались в цепь, автоматы наготове. Протокол. В тумане плавали тени – то ли прошлогодний камыш, то ли те самые «болотные тени», от которых у счастливиц только пси-ожоги, а у остальных... пустое место в графе «далее». Но это была не тень.

Он сидел. Спина к нам, на корточках, посреди небольшой твёрдой кочки. Фигура в потрёпанном сталкерском костюме. Не двигался.

– Эй, путник! – крикнул сержант. – Отзовись! S.T.I.K.S.!

Тишина. Только чавканье воды под сапогами и отдалённый, леденящий душу вой, который мог быть ветром в ржавых трубах руин, а мог – и чем похуже.

Обходим с двух сторон. Я – слева. Когда увидел его лицо – вернее, то, что от него осталось – сдержал рвотный спазм только муштрой. Это не было просто убийством. Это было... конструирование.

Тело стало каркасом. Кости, вывернутые с хрустом спелого арбуза, сплетались в сложную, чёткую структуру – как схема микропроцессора, вытравленная на человеческом мясе. Ребра образовали дуги, позвоночник – центральную шину, а пальцы рук, сломанные в диких углах, тянулись к небу, как антенны. Кожа была покрыта резьбой – не надрезами, а словно прожигами, образующими узор, от которого слезились глаза. Геометрия кошмара.

Но самое пиз... то есть, самое страшное – это был не ритуальный беспорядок. В этом была своя, безумная логика. Красота.

А в его руках, сложенных на коленях, будто в молитве, лежал «артефакт». Ни на один известный класс не похожий. Кусок чего-то тёмного, отливающего масляным блеском. Длиной с предплечье, изогнутый. Напоминал кость, но тёплую и... пульсирующую едва заметно, в такт какому-то нездешнему пульсу.

Сержант, бледный как полотно, уже орал в рацию, нарушая все нормы радиосводки:

– «Молот-1», «Молот-1»! «Гроб» на периметре! Не просто «гроб»! Пиз... понимаете, рисунки! Чертежи на нём! И какая-то хрень в руках! Теплится!

Из радиации посыпались шипение и отборный мат. Потом чёткий голос оператора:

– Удерживайте позицию. Ничего не трогать. Готовьте площадку для приёма. Вам везут... специалиста.

– Какого специалиста? – тупо переспросил сержант.

Пауза. Потом в эфире прозвучала фраза, от которой у меня, выдавшего виды, ёкнуло где-то под ложечкой.

– Везут Кедр. Готовьте материалы.

Туман вокруг, будто услышав это имя, сгустился. А тот «артефакт» в руках покойника, мне показалось, дрогнул чуть сильнее. Как сердце.

Глава 1. Следователь Семен Кедр

Меня зовут Семён Кедр. И я – та самая последняя палочка-выручалочка, которую бросают в дерьмо, когда оно уже начинает пузыриться и обретать разум. Майор особого отдела расследований S.T.I.K.S. Официально – блестящий аналитик. Неофициально – дворник с майорскими погонами, которого вывозят на самую вонючую помойку, чтобы найти там иголку, утыканную в труп.

Вертолёт Ми-8, он же «Летающий Гроб», плюхался в густом молоке «Часового болота». Пилоты ругались, проклиная аномальную турбулентность, которая рвала лопасти не хуже зениток. Я смотрел в иллюминатор, но видел не туман. Я видел... отсветы. Моя профессиональная деформация, мой личный ад и главный инструмент. «Тихий отзыв». Последствия давнишнего поцелуя с хроно-аномалией «Маятник». С тех пор моё восприятие иногда дает сбой. В местах сильного пси-выброса или насильственной смерти я вижу «отголоски» – блёклые, беззвучные киноплёнки прошлого, проецирующиеся прямо на сетчатку. Не воспоминания мест. Скорее, шрамы на реальности.

Форпост «Молот» возник из тумана внезапно, как прыщ на здоровой роже. Типовое укрепление S.T.I.K.S.: бетонные коробки, колючка в три ряда, вышки с крупнокалиберными пулемётами «Корд» и прожекторы, сканирующие мертвую зону. На посадочной площадке, ежась от ветра и не только, уже ждала делегация.

Меня встретили трое. Первый – майор Громов, начальник форпоста. Кряжистый, как дубовый пень, с лицом, вырубленным топором из гранита вечного недовольства. Взгляд буравящий, оценивающий стоимость моего костюма и моей жизни – в обеих графах, похоже, разочаровался.

– Майор Кедр. Ждали. – Его рукопожатие было похоже на проверку тисков. – Обстановка – дерьмо. Уже вторые сутки в повышенной готовности. Мутанты у периметра как сумасшедшие, аномальная активность зашкаливает. И этот... экспонат.

Второй – доктор Лина Вольская, биолог. Худоцавая, в очках в тонкой оправе, за которыми прятались умные, усталые глаза. Она смотрела на меня не как на начальство, а как на интересный, возможно, ядовитый образец.

– Доктор Вольская, – представилась она. – Руководила первичным осмотром. То, что вы увидите... не укладывается в известные классификации.

Третий стоял чуть поодаль, прислонившись к стене. Сталкер. По камуфляжу и подвесной системе – вольный искатель, но с нашивкой временного контракта S.T.I.K.S. Кличка «Гвоздь» соответствовала облику: невысокий, жилистый, с лицом, изъеденным шрамами и недоверием. Он молча кивнул, оценивая моё снаряжение. В его взгляде читался вопрос: «И что этот штабной хрен будет тут делать?»

– Всё, Громов, ведите к «экспонату», – сказал я, поправляя тактический разгрузочный жилет. Под курткой у меня висел «Марго» – пистолет «Гюрза», любимое оружие параноиков, пробивающее почти любую броню. Винтовка «Вихрь» осталась в вертолёте – в помещениях она бесполезна.

Труп находился в холодном боксе, бывшем овощехранилище. Воздух был густым от запаха антисептика и чего-то сладковато-гнилостного. Когда Вольская сдернула брезент, даже моя подготовка дала сбой. «Отголосок» ударил мгновенно.

****Видение:**** *Не тело на столе. Сеть. Вспышка бело-голубого света, исходящая не извне, а изнутри скелета. И на этой вспышке – десятки лиц. На миг. Сотни лиц. Незнакомых. Их глаза закатываются, рты открываются в беззвучном крике. Полная синхронизация ужаса. А потом – один образ, отпечатанный на всех сетчатках: чёрный, пульсирующий шар с щупальцами-лучами, похожими на нейроны. «Чёрное Солнце».*

Я моргнул, отшатнувшись. Вольская заметила.

– Майор? Вам дурно?

– Ничего. Духоту не люблю, – буркнул я, заставляя себя смотреть на реальный объект. Видение было в тысячу раз страшнее. Но и информативнее. – Вы сказали, первая жертва – сталкер. Данные?

– «Штиль», – ответил Громов. – Контрактник. Выходил на лёгкую разведку в сектор «Топь». Срок возврата – позавчера, 18:00. Нашли сегодня на рассвете.

– Личные вещи?

– Вот что интересно, – включилась Вольская. – При нём не было ни детектора, ни аптечки, ни стандартного НЗ. Только этот. – Она указала на артефакт, лежащий теперь в пластиковом контейнере. – И... вот это.

Она протянула мне пакет с пробиркой. Внутри – кусочек кожи с татуировкой. Не обычной. Микроchip, вживлённый под эпидермис. Я узнал эту технологию. Маркер проекта «Адаптация». Чёртова лабораторная крыса.

– «Штиль» был из проекта «Симбиоз», – тихо сказал я. Громов нахмурился. Вольская замерла. Гвоздь наконец оторвался от стены.

– Откуда знаете? Это гостайна уровня «Омега».

– Я потому и еду на такие вызовы, майор, – я устало потёр переносицу. – Чтобы знать то, чего не должны знать даже вы. Значит, убийца вышел не на простого сталкера. Он вышел на вашу секретную разработку. И превратил её в... в это. Гвоздь, вы что-нибудь слышали в болотах? Странное? Не по мутантски.

Сталкер пожал плечами, его голос был хриплым, будто протёртым наждаком.

– Слышал. Не ушами. Последние две недели... сны. У многих. Один и тот же сон. Бредовый. Про чёрное солнце, что светит внутрь, а не наружу. Думали, споры бледной поганки в консервах. А теперь гляжу – может, и не споры.

Внезапно загудели сирены. Не общая тревога, а прерывистый, тревожный гудок. Голос дежурного рявкнул из репродуктора:

– **«Внимание, периметр! Сектор «Дельта»! Массовая атака! «Кровососы» и... и что-то ещё! Неопознанные! Задействовать все огневые точки!»**

Громов выругался и рванул к выходу.

– Наверху! Быстро!

Мы выскочили на КПП. Картина была, как в дешёвом боевике, но с поправкой на реальность. Со стороны болота, из тумана, волнами выкатывались твари. Стаи «кровососов» – этих пернатых тварей с клювами-стилетами – неслись на бреющем, оглашая воздух леденящим визгом. Но за ними, тяжело переваливаясь, шло нечто новое.

Похожие на горилл, но слепые, с кожей, напоминающей кору болотного дерева. Их руки заканчивались не лапами, а чем-то вроде скопищ гибких, костяных щупалец. «Древолазы», – мелькнуло у меня. Мутанты второй категории, редкие. И они шли не хаотично. Волнами. Прикрывая друг друга. Как пехота.

– Так, блядь, не бывает! – проревел Громов, хватая автомат. – Огонь! Огонь на поражение!

С вышек застрочили «Корды». Трассирующие струи прорезали туман, рвали тварей в клочья. Но они шли. Без страха. Без инстинкта самосохранения.

И тут я его почувствовал. Тот самый «отзвук». Но не прошлого. А настоящего. Волну паники, ужаса, боли – но не индивидуальную. Единую. Синхронизированную. Как будто все эти твари кричали одним ротором, на одной частоте. Частоте того «Чёрного Солнца» из видения.

Гвоздь, стоявший рядом, вдруг схватился за голову.

– Оно... оно в башке! – простонал он. – Оно всех на одной волне сводит!

Пуля «кровососа» с визгом от ricoшетила от бетона рядом с моим ухом. Я пригнулся, выхватывая «Гюрзу». Тактика. Нужна тактика. Эти твари действуют как один организм. Значит, надо бить по управлению.

– Громов! – закричал я. – Есть тяжёлые гранатомёты? Или «Шмель»?

– На северной вышке! РПГ-7!

– Дайте прикрытие! Гвоздь, со мной! – я рванул вдоль стены к лестнице на вышку. Гвоздь, кряхтя, последовал, поливая короткими очередями из своего карабина «Вепрь» подступающих кровососов.

Мы ворвались на вышку. Пулемётчик был уже мёртв, с пробитым горлом. Но «рожок» – гранатомёт – лежал рядом. Я схватил его, взвёл. Гвоздь встал у амбразуры, отстреливаясь.

– Цель? – рявкнул он.

Я выглянул. Среди волн «древолозов» я искал не самого большого. А того, кто чуть в стороне. Кто не метался. И увидел. Один из них, почти не отличимый, стоял чуть позади, его щупальце-руки были подняты не для атаки, а будто дирижировали невидимым оркестром. В моём «отголоске» он светился чуть ярче других.

– Видишь того, что сзади, у поваленного дерева?

– Вижу.

– В него. Все три гранаты.

Я приложился. Душный ветер, пси-давление, визг. Выстрел. «РПГ-7» – оружие не для точности, но дистанция была небольшой. Граната ударила в дерево рядом, разметав щепки и двух «древолозов». Но того, «дирижёра», только контузило.

– Блядь! – выругался Гвоздь.

Я зарядил вторую. Вдох. Выдох. Игнорируя ту самую синхронную волну паники, которая давила на виски. Выстрел.

В этот раз – прямое попадание. «Дирижёр» исчез в огненном грибе и кусках плоти.

И тут же атака захлебнулась. «Кровососы» взмыли вверх и беспорядочно рассеялись. «Древолозы» замерли в нерешительности, а потом, с рычанием, но уже без слаженности, начали отступать в болото.

Наступила тишина, нарушаемая только треском пожаров и стонами раненых.

Я опустил гранатомёт. Руки дрожали от адреналина и пост-видения. Гвоздь тяжело дышал.

– Попал, майор, – хрипло сказал он. – Но это нихера не объясняет. Они как... зомби под управлением.

– Хуже, – пробормотал я, спускаясь с вышки. – Зомби тупые. А это был тактический расчёт. Кто-то или что-то использовало их как живые инструменты. – Я посмотрел на Громова и Вольскую, подбегавших к нам. – Доктор, ваш «экспонат» в холодном боксе... он не жертва. Он – сообщение. Или деталь. А тот, кто это прислал, уже тестирует систему на живых. И, кажется, система работает.

Вольская побледнела. Громов смотрел на дымящиеся трупы мутантов с новым, леденящим пониманием. А где-то в кармане моей куртки, в пластиковом пакете, микрочип с маркером проекта «Симбиоз» будто жёг кожу. Это было только начало.

И болото только что показало, на что оно способно.

Глава 2. Вирусная идея

Потери были, но могли быть хуже. Двое убитых на вышке, трое раненых. Один из них – парень с оторванной «кровососом» кистью – кричал так, будто ему вытаскивали душу через рану. Санитары кололи ему промедол, но крик не прекращался. Это был не крик боли. Это был крик того, что видели его глаза в последнюю секунду перед клешней. «Чёрное Солнце». Оно теперь горело и в моей голове.

Мы с Громовым стояли в оперативном штабе – комнатухе с потрескавшейся картой сектора и воняющей плесенью.

– Нужна эвакуация раненых, – сказал я, глядя на дрожащие руки. Адреналин сходил, и накатывала знакомая пустота. – И полное затемнение. Кто бы этим ни руководил, он провёл разведку боем. Узнал наши силы, реакцию.

– Затемнение? – Громов хмыкнул. – Вы видели этот туман? Наши прожектора – как спички в пасти левиафана. Эвакуировать можно только вертолётom, а пилоты, пока этот пси-смог не рассеется, не полезут. Мы в осаде, майор.

– Значит, укрепляемся изнутри, – я указал на карту. – Отсеки «Альфа» и «Бета» имеют герметичные шлюзы. Сводим туда весь личный состав, раненых, учёных. Оставляем минимальные посты на внешнем периметре. А вы, майор, покажете мне всё, что знаете о «Штиле» и его связях.

Громов мрачно кивнул. Его цинизм слегка поутих, уступив место холодной ярости. Его люди погибли из-за какой-то непонятной херни, и это он простить не мог.

Мы спустились в жилой блок. В крохотной каюте «Штиля» уже работала Вольская в перчатках. Обшарпанные стены, походная койка, полка с консервами. И стол, заваленный бумагами. Не отчётами, а чертежами. На них была та же безумная геометрия, что и на теле, но в виде схем, уравнений, диаграмм связей.

– Он пытался это зарисовать по памяти, – тихо сказала Вольская, протягивая мне листок. – Смотрите.

На рисунке был изображён тот самый «артефакт» – кость. Но вокруг неё – спирали, стрелки, пометки на... латыни? Нет. Символы напоминали то ли химические формулы, то ли нотную запись.

– Вы понимаете, что это?

– Нейробиологические обозначения, но искажённые, – ответила она. – Вот это, например, похоже на схему синаптических связей. А это – на частотные волны мозговой активности. Но всё смешано. Как если бы кто-то увидел работу мозга и попытался описать её языком квантовой механики.

Я взял один из листков. И тут меня дёрнуло. «Отголосок». Слабый, но отчётливый. Не видение, а... чувство. Тяги. Желание сложить эти бумаги в определённом порядке, провести между символами линии. Голова слегка закружилась.

– Он не просто записывал, – пробормотал я. – Он пытался расшифровать. И это действовало на него. Где его личные вещи?

Вольская указала на рюкзак в углу. Стандартный сталкерский «верблюд». Я вытряхнул содержимое. Аптечка, пачка сухарей, патроны 5.45, шоколад. И блокнот. Кожаный, потёртый. Внутри – не записи, а один-единственный адрес электронной почты в формате S.T.I.K.S. И короткая фраза: «Карева. Кripto-лингвистика. Только ей».

– Кто такая Карева? – спросил я у Громова.

Он пожал плечами:

– Штабная крыса из Центра. Умница, говорят, но с приветом. Работает с мёртвыми языками и аномальными кодами. Зачем она ему?

– Потому что он наткнулся не на артефакт, а на сообщение, – сказал я, уже набирая спутниковый код на своём терминале. – И это сообщение написано на языке, который сводит с ума. Нужен переводчик. Причём срочно.

Связь с Центром была хуже, чем обычно. Помехи скрипели и выли, будто в эфир лезло само болото. Я запросил срочный переводчик-лингвиста, ссылаясь на код «Омега-Черный» – прямой намёк на связь с проектом «Симбиоз». Через полчаса пришёл ответ: «Специалист Е. Карева вылетает на борту «Быстрого-12». ЭТА 04:00 по местному. Обеспечьте приём».

Оставалось шесть часов. Шесть часов в этой бетонной консервной банке, которую что-то умное и злобное за горло держало. Я приказал вынести тело «Штиля» и все его бумаги в усиленную кладовую, поставив охрану из двух самых трезвых бойцов. Сам отправился обходить периметр с Гвоздём.

Сталкер двигался бесшумно, как тень, его «Вепрь» был на изготовке. Мы шли по внутреннему двору, вдоль стен. Туман клубился, цепляясь за камуфляжную сетку.

– Ты давно здесь? – спросил я тихо.

– Месяц, – бросил он в ответ. – Контракт на поставку образцов мха. Он тут особенный, фосфоресцирует. Для биологов.

– И сны начались месяц назад?

Гвоздь остановился, обернулся. Его глаза в полумраке блестели, как у хищника.

– Ты что, думаешь, это я? – в его голосе зазвенела сталь.

– Я думаю, что ты что-то знаешь. И не говоришь. «Сны у многих», – это не ответ. Что именно ты видел?

Он помолчал, прислушиваясь к чавканью болота.

– Ладно. Видел... структуру. Как соты. И в каждой ячейке – лицо. Знакомые, незнакомые. Все они смотрят на одну точку. А в этой точке – оно. Тот шарик с щупальцами. И от него идут нити. К каждому. И по нитям течёт не свет, а... понимание. Без слов. Как будто тебе в голову заливают мёд, но мёд этот – чужая мысль.

– Контролировал кто-нибудь?

– Нет. Но после таких снов люди начинали... понимать друг друга с полуслова. Даже те, кто в ссоре были. Как будто все стали частью одного экипажа. Одной банды. Сначала это даже круто было. А потом... – он сглотнул. – Потом «Штиль» пропал. И сны стали... тёмными. В них появился страх. Общий. На всех.

Мы дошли до северных ворот. Внезапно Гвоздь вздрогнул и навёл ствол в туман.

– Слышишь?

Я прислушался. Сквозь привычный гул болота прорезался другой звук. Монотонный, навязчивый. Стук. Металла о металл. Как будто кто-то методично бьёт по трубе.

– Это не по плану, – пробормотал Гвоздь. – Никто на наружке не должен быть.

Я нажал на переговорное устройство:

– Пост «Север», Кедр. У вас всё в порядке?

В ответ – тишина. Потом хрип:

– Майор... тут... не...

И снова стук. Уже быстрее.

– Ёбанный стыд! – выругался Гвоздь, и мы рванули к калитке. Она была приоткрыта. За ней – узкий проход между внешней стеной и забором из колючки. На посту, у пулемётного гнезда, сидел боец. Сидел, обхватив голову руками, и ритмично бился лбом о ствол «Пектины». Лоб был в крови, глаза закатаны, изо рта текла слюна. Рядом валялся его автомат.

– Стрельцов! – крикнул я, подбегая. – Ты чего, дурень?!

Он не реагировал. Стук продолжался. Я схватил его за плечо – тело было одеревеневшим, мышцы напряжены, как тросы. И тогда я увидел его лицо. На губах – блаженная, идиотская улыбка. А в глазах – отражение. То самое «Чёрное Солнце».

– Его в транс вогнало, – сказал Гвоздь, оглядываясь по сторонам. – Извне. Смотри.

Он показал фонарём в туман, в сторону болота. Там, метров за пятьдесят, из трясины торчала старая антенна, покосившаяся ржавая мачта. И на ней, как гигантский плод, висело нечто. Овальное, тёмное, размером с человека. Оно пульсировало мягким фиолетовым светом. И с каждым пульсом стук в голове Стрельцова усиливался.

– Гриб, – прошептал Гвоздь. – Пси-гриб. Их редко встретишь. Они эфир ловят, как антенны. Только этот... он не просто ловит. Он вещает.

– Тащи его внутрь! – приказал я, наводя «Гюрзу» на пульсирующий шар. – Я прикрою.

Гвоздь, крича, взвалил бесчувственного бойца на плечо. Я прицелился в основание гриба. Пистолет «Гюрза» бил сильно, но нужна была точность. Выстрел. Второй. Кусочки органики отлетели, но гриб продолжал пульсировать. Он не был живым в обычном смысле. Это была аномалия. Тогда я сменил тактику. Достал из разгрузки гранату РГО, «осколочную, наступательную». Выдернул чеку, выждал две секунды и швырнул её дугой, чтобы упала прямо под мачту.

– Уходи!

Мы отскочили за угол. Взрыв оглушил, осветив туман багровым светом. Когда дым рассеялся, от мачты торчал обгорелый обломок. Пульсация прекратилась. Стук в голове тоже.

В медпункте Стрельцова привели в чувство уколом адреналина. Он приходил в себя, дрожа и плача.

– Что ты видел? – спросил я, не давая ему опомниться.

– Голос... – бормотал он. – Голос был. Не голос... музыка. Из всего. Из стен, из воздуха. Она звала. Говорила, что я часть. Что мы все... часть чего-то большого. И не надо бояться. Надо... соединиться.

– Соединиться как?

– Не знаю... – он схватился за голову. – Просто отдаться. Пустить внутрь.

Я вышел из медпункта. Вольская ждала в коридоре, её лицо было мертвенно-бледным.

– Майор, вам срочно в кладовую.

– Что там?

– Вторая жертва.

Мы бежали по коридорам. У двери кладовой, где хранились тело и бумаги «Штиля», стоял охранник. Живой. Но его взгляд был пустым.

– Он сам открыл и вошёл, – сказал второй, молодой парень, чуть не плача. – Я кричал – не реагирует. Заперся изнутри.

Дверь была металлическая, с кодовым замком. Снаружи её не взломать. Я приложил ухо. Из-за двери доносилось негромкое бормотание. И скрежет. Как нож по металлу.

– Кто внутри? – спросил я у охранника.

– Техник... Лазарев. Из лаборатории «Улей».

«Улей». Подземный сектор. Вот она, связь.

– Взрываем, – сказал Громов, подходя с группой бойцов. – Или простреливаем петли.

– Нет, – остановил я его. – Он может повредить улики. Или сам артефакт. У вас есть газ? Снотворный?

– Есть «Черёмуха» слезоточивый.

– Не подойдёт. Он и так не в себе. Нужно выбить дверь мгновенно. – Я осмотрел дверь. Петли снаружи. – Дайте кумулятивный заряд малой мощности. Прожигаем петли.

Заряд установили за минуту. Все отошли. Тихий хлопок, вспышка – и дверь осела, держась только на замке. Два удара тараном – и мы внутри.

Лазарев сидел на полу посреди комнаты. Перед ним лежали бумаги «Штиля», разложенные в странном порядке, образующем символ, похожий на паутину. В руках у техника был артефакт-кость. И этой костью он на ровном полу, на бетоне, выцарапывал те же символы, что

были на бумаге. Его пальцы были стёрты в кровь, но он не останавливался. Бормотал что-то на том же странном языке.

– Видите? – прошептала Вольская. – Он не в себе. Он... заражён идеей. Буквально.

Лазарев поднял на нас глаза. В них горел тот же фанатичный восторг, что и у Стрельцова.

– Вы не понимаете! – его голос сорвался на визг. – Это же код! Код мироздания! Он всё соединяет! Я почти... почти слышу...

– Лазарев, брось артефакт, – сказал я спокойно, медленно приближаясь, рука на «Гюрзе».

– Нет! – он прижал кость к груди. – Он говорит со мной! Он показывает... как всё устроено! Надо только... слушаться...

И тут он рванулся. Не на нас. К стене. И с размаху ударился головой о бетон. Звук был тупой и страшный. Он осел на пол, держа в руках артефакт. Кость теперь светилась изнутри тусклым фиолетовым светом. А на стене осталось кровавое пятно и трещина.

Мы подбежали. Лазарев был ещё жив, хрипел. Из разбитого черепа сочилась не только кровь, но и что-то похожее на светящуюся слизь. Он прошептал, глядя в потолок: – Сеть... зовёт... все части... к Целому...

И умер.

Вольская осторожно взяла артефакт из его ослабевших пальцев. Он был тёплым. И свет пульсировал в такт чему-то, что я чувствовал висками. Как далёкий гул.

– Заражённое знание, – сказала она. – Он прав. Это код. Но код, который переписывает носителя. Как компьютерный вирус.

Я посмотрел на разложенные бумаги, на окровавленный символ на полу. Две жертвы. Одна – подопытный «Симбиоза». Вторая – техник из подземной лаборатории. Их связывал этот артефакт. И он был не оружием. Он был... инструкцией. Или приглашением.

– Доктор, – сказал я, глядя на Вольскую. – Ваш «Улей». Что вы там изучаете? И не связан ли этот «код» с вашими работами?

Она опустила глаза. Молчала. И в её молчании был ответ. Да. Связан. И это было куда хуже, чем простая аномалия.

Снаружи, сквозь стены, донёсся рёв вертолётных турбин. «Быстрый-12» с Каревой на борту. Переводчик прибыл. Но я уже боялся, что переводить мы будем не язык, а предсмертный крик целого форпоста.

Глава 3. Лаборатория «УЛЕЙ»

«Быстрый-12» приземлился, подняв вихрь из мокрой хвои и грязи. Из грузового отсека, согнувшись под рёвом ещё не заглушённых турбин, вышла она. Елена Карева не соответствовала образу «штабной крысы». Высокая, в практичном чёрном тактическом костюме без знаков различия, с короткой стрижкой, она скорее напоминала оперативника. Только взгляд, острый и аналитический, и следы постоянного умственного напряжения у висков выдавали в ней учёного. За плечами – не портфель, а жёсткий кейс с биометрическим замком.

Я встретил её у КПП. Она пожала мою руку крепко, без лишних слов, сразу к делу.

– Майор Кедр. Мне показали фото артефакта и образцы письма. Где оригинал?

– В усиленном хранилище. Но сначала вам стоит увидеть вторую жертву и... среду.

– Среду? – она подняла бровь.

– Лабораторию «Улей», где он работал. Думаю, именно там кроется контекст, без которого ваш перевод будет просто набором символов.

Громов, узнав, что мы хотим спуститься в «Улей», нахмурился.

– Сектор на карантине после... инцидента с Лазаревым. Только персонал 3-го уровня доступа.

– У меня как раз третий, – сухо сказала Карева, доставая из кармана пластиковую карту с голограммой «ОМЕГА». Громов отступил. Эта карта открывала всё.

Спуск осуществлялся на грузовом лифте за бетонным бункером. Лифт старый, скрипящий, и его движение вглубь земли отдавалось гулом в ушах. Вольская спускалась с нами, её лицо было напряжённым.

– «Улей» – это не просто лаборатория, – предупредила она, когда лифт замедлял ход. – Здесь мы изучаем не столько артефакты, сколько биологические проявления Зоны. Особенно те, что проявляют признаки... системности.

Двери открылись. Перед нами предстал не привычный бетонный туннель, а стерильный, белый коридор с мягким светом панелей на потолке. Воздух пахл озоном и антисептиком, но под этим – сладковатый, органический запах, как в оранжерее. По бокам – витрины из бронестекла. За ними... экспонаты.

Не просто куски плоти мутантов. Замкнутые экосистемы: в одной камере клубилась серебристая плесень, pulsating в унисон, как одно гигантское легкое; в другой – сплетение корней, испускавших слабое голубое свечение; в третьей – колония насекомоподобных существ, двигавшихся с пугающей синхронностью, словно под управлением единого разума.

– «Гештальт-образцы», – пояснила Вольская, заметив наш интерес. – Биологические структуры, демонстрирующие свойства коллективного интеллекта. Мы изучаем их нейронные аналоги, пытаемся понять принципы коммуникации.

Карева остановилась у одной из витрин. Внутри, в питательном растворе, плавало нечто, напоминавшее медузу из тёмных нервных волокон.

– Сетевая структура, – прошептала она. – Это не организм. Это... интерфейс.

Мы прошли в центральный зал – просторное помещение с консолями, мониторами и в центре – огромной цилиндрической камерой из прозрачного поликарбоната. Сейчас она была пуста, но вокруг неё царил хаос: разбросанные бумаги, опрокинутое кресло, на полу – высохшее пятно странного, фиолетового цвета.

– Здесь содержался основной образец, – сказала Вольская, голос её дрогнул. – Биомасса «Гештальт-Альфа». Её извлекли из глубин «Часового болота». Она проявляла слабые сигналы энцефалограммы, похожие на сон. А три дня назад... активность резко возросла. Образец начал излучать сложные модулированные импульсы. Именно тогда пропал «Штиль». А вчера, когда Лазарев дежурил... произошёл скачок.

– Какой скачок? – спросил я.

– Образец... реплицировался. Не делением. Он испустил споры. Нейро-активные. Система вентиляции не справилась с фильтрацией. Часть персонала подверглась воздействию. Лазарев был среди них. После этого образец... дезинтегрировался. Растворился в воздухе.

– То есть, он не сбежал. Он расплылся, – уточнил я, и холодная прозрачность этого факта обожгла мозг. – И теперь эта... нейро-спора... витает в вашей вентиляции?

– Нет! – Вольская резко покачала головой. – Мы активировали систему экстренной дезинфекции ультрафиолетом и термообработкой. Споры должны были быть уничтожены. Но эффект... остался. Как будто информация, которую они несли, передалась не через вещество, а через...

– Через поле, – закончила Карева. Она подошла к главному компьютеру, её пальцы забегали по клавиатуре. – Меметический вирус. Идея, передающаяся не на молекулах, а на паттернах. Артефакт-кость – его физический носитель, ключ. А ваша биомасса была... антенной. Передатчиком.

Мониторы ожили, выводя сложные графики – энцефалограммы персонала, снятые во время инцидента. Все они, сначала хаотичные, через несколько секунд после «скачка» начали синхронизироваться. Линии разных мозгов начали повторять друг друга, сливаясь в один устойчивый ритм.

– Боже, – прошептала Вольская, глядя на экран. – Они не просто видели одно и то же. Они *думали* одно и то же.

Внезапно свет в лаборатории мигнул. Погас. На секунду воцарилась кромешная тьма, нарушаемая только аварийной зелёной подсветкой у пола. Потом основные лампы зажглись вновь, но теперь их свет был приглушённым, красноватым.

– Что это? – спросил я, рука инстинктивно легла на пистолет.

Из динамиков раздался механический голос системы оповещения: – **«Внимание. В лаборатории «Улей» зафиксирован несанкционированный доступ на нулевом уровне. Активирован протокол «ГЕРМЕТИЧНЫЙ ЩИТ». Все шлюзы заблокированы. Подача внешнего воздуха прекращена. Причина: биологическая угроза уровня «КВАРТА». Ожидайте дальнейших инструкций.»**

– Чёрт! – выругался я. – Громов? Громов, приём!

Мой рация выдавала только треск. Ничего.

– Глушилка, – сказал Гвоздь, который спустился с нами и до этого молча наблюдал. – Или экранирование. Нас отрезали.

– Но почему? – Вольская смотрела на герметично закрывающиеся с шипением двери шлюзов. – Протокол «КВАРТА»... это для угроз, сопоставимых с пандемией. Его может активировать только главный врач или... система, если зафиксирует патоген в воздухе.

Карева не отрывалась от монитора. Она вывела на экран схему вентиляции. Одна из линий, ведущая из главной камеры, мигала красным.

– Дезинфекция не прошла до конца, – сказала она ледяным тоном. – В узле 7-Бета сохранилась микротрещина. Споры могли остаться в спящем состоянии в пылевых фильтрах. И сейчас... что-то их реактивировало.

И тут я это почувствовал. Сначала как лёгкий звон в ушах. Потом – как нарастающее давление в висках. Не боль. Скорее... ожидание. Как перед грозой, когда воздух наэлектризован.

– Вы чувствуете? – тихо спросил я.

– Гул, – кивнул Гвоздь, сжимая свой «Вебрь». – Низкий. Из стен.

Из коридора, ведущего к жилым отсекам персонала, донёсся звук. Не крик. Не стон. А... единый вздох. Десятки глотков, вдохнувших одновременно. Потом – шарканье шагов. Множественных. Идущих в ногу.

Мы замерли у входа в центральный зал. Из красноватой полутьмы коридора стали появляться фигуры. Учёные, техники, охрана «Улья». Они шли медленно, неловко, будто забыв, как управлять своими телами. Их лица были расслаблены, глаза полуприкрыты. Но в их движении не было хаоса. Они не сталкивались, обходя друг друга и оборудование с неестественной точностью. Как шестерни одного механизма.

– Боже милостивый... – прошептала Вольская. – Они же спят. Сомнамбулы.

Один из «спящих», молодой лаборант, отделился от группы и подошёл к консоли управления системой освещения. Его пальцы, не глядя, пробежали по клавишам, вводя сложный код. Красный свет сменился на ровный белый. Другой подошёл к панели контроля температуры и начал поднимать её. Их действия были не случайными. Они что-то делали. Настраивали.

– Что они делают? – спросил Гвоздь.

– Оптимизируют, – ответила Карева, и в её голосе звучал леденящий профессиональный интерес. – Систему. Лабораторию. Подготавливают среду. Смотрите.

Она указала на группу из трёх техников, которые, не говоря ни слова, подошли к разобранному спектрометру и, передавая детали друг другу, начали собирать его обратно, но в изменённой конфигурации, добавляя провода и датчики от других приборов.

– Они используют свои профессиональные навыки. Но не индивидуально. Коллективно. Как один мозг, распределённый по нескольким телам.

Один из охранников, большой мужчина с пустым взглядом, повернул голову в нашу сторону. Его рука медленно потянулась к кобуре.

– Нас заметили, – сказал я тихо. – Отступаем к лифту. Тихо.

Мы начали пятиться. Но лифт был в другом конце зала, за группой «спящих».

– Альтернативный выход? – спросил я у Вольской.

– Аварийный тоннель. За складом реактивов. Но он ведёт не наверх, а глубже. В старые выработки, а потом – в самую топи.

– Лучше топи, чем быть собранными в единый разум, – проворчал Гвоздь.

Мы двинулись вдоль стены, стараясь не привлекать внимания. «Спящие» были заняты своей работой: одни чистили вентиляционные решётки, другие что-то вычисляли на планшетах, третьи просто стояли и смотрели в одну точку, их мозги, вероятно, выполняли какую-то расчётную задачу. Это был самый жуткий конвейер, который я видел.

Мы почти добрались до двери склада, когда система оповещения снова ожила. Но голос был уже не механическим. Он был искажённым, наложенным на себя в несколько тонов, будто говорили хором: – **«...обнаружены несогласованные элементы. Несогласованные элементы создают помехи в процессе интеграции. Требуется гармонизация. Подавить сопротивление. Привести к общему знаменателю...»**

Все «спящие» в зале одновременно прекратили то, что делали, и повернули головы в нашу сторону. Десятки пустых, но intent взглядов упёрлись в нас.

– Бл**дь, – выдавил из себя Гвоздь. – Попали в список на обновление.

Первый охранник выхватил пистолет. Его движения были плавными, точными, но без обычной человеческой резкости. Я выстрелил первым. «Гюрза» грохнула, пуля ударила охранника в плечо. Он качнулся, но не упал, не закричал. Просто посмотрел на рану, как на поломанную деталь, и продолжил движение, поднимая оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.